

Ушла в прошлое нынешняя осень — вся на театральное сезоны. Ушли и случайные впечатления. В памяти осталось — острые радости — самое важное и значительное.

Театр оперы и балета имени Кирова открывал сезон «Евгением Онегиным». В спектакле все еще живое премьерное настроение — несколько лет сценической жизни только придал убедительности многим музыкальным и постановочным находкам Юрия Темirkanова, выступившего здесь и дирижером, и режиссером.

Особая проникновенность музыкальной драмы захватывает нас с первых же тактов. Бытовое окружение Татьяны приковано с бережностью и любовью отступает под чистотой героини. Вот помещица Ларина (Е. Горюховская), с основной воспитанницей солидного паванса и дилкой нравочувствительности классной наставницы, назидательно сообщает: «На свете нет героев...» Вот Ольга (Д. Дьячкова) своей доверчивой, капризно-суетливой пластикой, жеманной пошлостью голоса вносит в действие атмосферу озорства, беззаботности. Вот дует «Привычки сыпые нам даны...» — здесь Темirkanов добился почти неправдоподобной слитности голоса —

это не сгущалась виррина романа или задушевной песни, это поэтичность сущая, а в ней красота мысли встает пролежень с красотой формы.

Нельзя не порадоваться появлению в репертуаре МАЛЕГОТА сочиненный великого американского хореографа Дж. Балanchина. В память о недавно умершем классике балета XX века, корнями связанным с русской хореографией, многие театры обращаются теперь к его наследию. Труппа Малого оперного, бережно хранящая многое из балетной классики разных эпох, и здесь оказалась одной из первых. Балетмейстер А. Прокофьев тщательно перенес хореографию Балanchина на новые для нее подиумы. И вот — «Струнная серенада», настоящий обаятельный танец, обрушивающийся на нас, как обрушивается на наши чувства музыка Моцартовского «Дон-Жуана» и вердиевского «Трубадура».

В МАЛОМ драматическом театре, возглавляемом Львом Додиним, идет — тоже уже не первый сезон — выдающийся спектакль «Братья и сестры» по прозе Ф. Абрамова, удостоенный недавно Государственной премии СССР. Это не просто спектакль на «деревенскую тему» — это повествование о глубинном смысле нашего бытия, о законах, управляющих человеческими страстями и жизнями. В полифонию точно прорисованных

бы обреченные модели жизненных амплуд. Главных героев тут можно назвать общими именами: Саймона — Поэтом, Пророком; Ральфа — Героем, Христом — Ученым, Интеллектуалом; а Диего — Бождем. Многозначность образов, широта ассоциативного поля ведут к художественной высоте. За Ральфом — П. Семаном как бы встают фигуры античных героев, бесстрашного Ахилла, благородного Агамемнона, фигуры «рыцарей без страха и упрека». Диего В. Осипчука — «лидер», но отнюдь не одномерный: мальчишеское обаяние, звонкость заветов, пылкость истинного лидера расширяют эмоциональные рамки образа. Христос Г. Дятковского собирает в себя всю нерешительность, себеподобность, все «мозаичность» интеллектуала — и при этом полностью сохраняет положительный заряд образа. А главным становится Саймон И. Сидора — этот романтический восторг с лунными глазами, пронзающий суть происходящего, в «Братьях и сестрах» болезненный Юра в исполнении Сидора мучился бесслезностью, через которую пробивалась трагичная душа. Здесь восторг обретает голос, пусть еще по-детски неосознанный. Не потому ли голос Саймона — Поэта физически остается жить после его смерти? Светоносный этот голос одерживает, несмотря ни на что, победу над обуревающим сбродом...

«О, СЦЕНА, СЦЕНА...»

У ЛЕНИНГРАДСКИХ АФИШ

рисует домашнюю, уютную обстановку ларинского имени...

Татьяна (Т. Новикова) чиста и возвышенна, веришь, что это «та», с которой образован Татьяна милый идеал. Драма, когда богатство души остается «невостребованным» жизнью, является с определенной самоотдачей. А главное — являясь поэтической сутью героини.

В Онегине (С. Лейферкус) мы узнаем не столько холодного денди, сколько человека, оцененного перед бессмысленностью жизненной суеты — ему сейчас попросту «не до Татьяны». Пеня приближает к нам своего героя и не случайно «выложенной» повядкой, и не чрезмерно жесткими звучанием своего красивого голоса.

И вот что интересно. На самых первых спектаклях «Онегину» казалось, что в роли Татьяны вставала одна Новикова, а в роли Онегина — Ленский. Трудно было принять аффектированное итальянское пение, нескромность интонаций. Но теперь партия истово исполняется. В новом Ленском проступает нескромность красочность. Аристократ «в этом доме...» — не страстное признание, а истерическая выкрик, выплеск бурлящих темных страстей. Но это не мешает такому Ленскому быть глубоким поэтом, оправдывая доверие ему Чайковского, оправдывая ожидания. К этому образу надо привыкнуть, но не принять его нельзя.

ОЩУЩЕНИЕ театрального праздника нас не только на премьерах. Вызвет, что расхожий детский утренник одарит истинной радостью. В Малом театре оперы и балета шел отнюдь не новый спектакль — «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова. Снегурочку села Е. Устинова. Хрупкий, звенящий, почти хвостово-радужный и искристый, как выжженный голос, хрупкая фигура, естественная пластичность, словно дарованная природой в награду за чистоту, — все соединилось в образ, который искушает многие недвусмысленства постановки. Волшебство превращения, происходящих с героиней, Ленский воплощает не только актерскими средствами, но и как подлинный виртуоз вокала, изменяя фактуру голоса, вводя новые тембральные краски. В сцене таяния голос-льдина становится теплой, струящейся материей, мы явственно ощущаем «таинство» в самих звучаниях, и не нужны никакие сценические эффекты.

АЛЕТ Н. Боярчикова «Разбойники» на музыку М. Минкова — спектакль Малого оперного театра — хореографический лауреат великой драмы Шиндлера, живет, не теряя образной силы, уже несколько сезонов. В нем балетмейстер, как и во всех своих сочинениях, не боится говорить со зрителем языком энциклопедии, поэтических по самой сути. Но

судеб лирические высокие звучаниям аркадами в память мелодии, принадлежащие героини, — строила доброту Афины — Т. Шестаковой и зеленая чистота Лизаветы — Н. Акимовой...

В новом спектакле Л. Додина по роману английского писателя У. Голдинга «Повелитель мух» театр делает новый шаг в осмыслении поэтики пьесы, когда мысль отщипывается от «мелочи» обывательской психологии. Материал для этого выбран предельно точно: в истории о тринадцатилетних мальчишках, выброшенных на необитаемый остров и предоставленных самим себе, нет места для сугубого психологизма — ведь в детях существует лишь зерно будущей социальной, жизненной роли, не обрешенное пока внешними событиями и внутренними потрясениями. Освобождается поле для метафоры, символа. В этом пространстве поэтической мысли и разворачивается зрелище, захватывающее ритмично и пластично. Мальчишки, поют, играют в театре взрослые актеры — эта двойственность позволяет создать даже не типичный, а как

В спектакле важное место отведено музыке. Духовные гимны в устах мальчишек становятся дидактическими маршами. Страшный разгул разрушительной стихии музыкально выражен врезанным в ткань спектакля фрагментом из кантаты А. Шнитке о докторе Фаусте. Во всех «планах» этого многомерного спектакля вышло отражение столкновения двух человеческих полюсов — не на жизнь, а на смерть.

Каждое театральное потрясение дает мощный импульс мыслям и чувствам. «Отрада юношеских лет, подруга идеала, о, сцена, сцена! Не пот, кто не был театралом!» — писал некогда Н. А. Некрасов. Все чаще в современном театре проныры в поэтические сферы, в неразгаданные высоты «чистой лирики», нам становятся важнее, чем самые изощренные бытописательства...

А. ПАРИН.

НА СНИМКАХ:

- «Евгений Онегин». Сцена из третьего действия.
- «Снегурочка». Сцена из спектакля. Снегурочка — Е. Устинова, Верейский — Н. Думев.
- Вальс на музыку П. И. Чайковского «Струнная серенада». Хореография Дж. Балanchина.

